

УДК 303.446.4(470)(09)+94(470.44–25)|18|+929

Николай Иванович Костомаров в культурной среде Саратова

А. С. Майорова

Майорова Алла Степановна, кандидат исторических наук, доцент кафедры истории России и археологии, Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, majorova-as@mail.ru

Саратовские историки давно проявляют интерес к вопросу о влиянии Костомарова на культурную среду Саратова. Найденные Костомаровым новые источники по истории Саратовской губернии и презентация его взглядов на особенности исторического процесса в регионе стали стимулом к развитию научных знаний в этой области и оказали воздействие на общественно-культурную среду губернского города.

Ключевые слова: общественно-культурная среда, история региона, народные восстания, Н. Г. Чернышевский, Д. Л. Мордовцев.

Nikolai Ivanovich Kostomarov in the Cultural Environment of Saratov

A. S. Mayorova

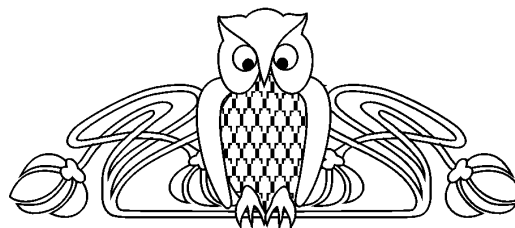
Alla S. Mayorova, <https://orcid.org/0000-0002-9582-6811>, Saratov State University, 83 Astrachanskaya St., Saratov 410012, Russia, majorova-as@mail.ru

Saratov historians have long been interested in Kostomarov's impact on the cultural environment of Saratov. The discovery by Kostomarov of new sources on the history of the Saratov province and the presentation of his views on the features of the regional historical process stimulated the development of scientific knowledge in this area and influenced the social and cultural scene of the principal town of the province.

Keywords: social and cultural scene, history of the region, popular uprisings, N. G. Chernyshevsky, D. L. Mordovtsev.

DOI: <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2019-19-4-513-519>

Сведения о биографии представителя науки представляют особый интерес с точки зрения интеллектуальной истории. Учет взаимодействия движений идей и тех социальных, политических, религиозных, общекультурных контекстов, в которых данные идеи возникают, распространяются и трансформируются, является принципиальным для «новой культурно-интеллектуальной истории»¹. В связи с этим важно изучение взаимодействия общественно-культурной среды определенного города (региона) и воззрений ученого, находившегося в данном регионе. Сам процесс формирования взглядов историка и его творчество тесно связаны с той средой, в которой протекала его жизнь. Изучая биографию исследователя, мы можем получить представление о том, каким образом изменение социокультур-

ного контекста оказывало влияние на содержание его трудов. Очень важно то обстоятельство, что научная деятельность ученого может послужить толчком к переменам в той среде, в которой он оказался.

В середине XIX в. в Саратове в течение более 10 лет находился Н. И. Костомаров, который впоследствии заслужил широкую известность как один из выдающихся историков России. Он приехал в город не по своей воле, а был выслан сюда под надзор полиции. С июля 1848 г. по август 1856 г. Костомаров проживал в Саратове в качестве поднадзорного ссыльного. Затем, уже получив свободу передвижения и освобождение от полицейской опеки, он выезжал из Саратова за границу, в Петербург, но оставался саратовским жителем до осени 1858 г., когда окончательно перебрался в северную столицу².

Исследователи, которые занимаются изучением жизни и творчества Костомарова, останавливаются на саратовском периоде его биографии, концентрируя внимание на произведениях историка, созданных в то время. Р. А. Киреева в своей статье, написанной к юбилею Костомарова, указала на то, что в Саратове он продолжал работать над монографией о Богдане Хмельницком и собирал материал о быте русского народа, что послужило толчком к написанию «Очерка домашнего быта и нравов великорусского народа». Автор статьи обратила внимание на появившиеся в трудах Костомарова, связанной с его работой в саратовском губернском правлении. Знакомство с документами о старообрядцах привело Костомарова к написанию «Истории раскола у раскольников». Отметила исследовательница и широкий круг его научных интересов в саратовский период жизни, особо подчеркнув, что Костомаров «собирал предания, отразившие память о народных войнах под предводительством Разина и Пугачева». Из его работ, посвященных местной тематике, Р. А. Киреева выделила заметки о торговле г. Саратова. Интерес автора статьи привлек вопрос о круге общения Костомарова в период ссылки³.

Украинский исследователь Ю. А. Пинчук в монографии, посвященной характеристике исторических взглядов Костомарова на основе его трудов по истории Украины, не обошел вниманием две его статьи, посвященные «саратовской» теме – «Взгляд на состояние саратовской вывозной торговли в отношении предполагаемой железной дороги между Москвой и Сарато-

вом» (Саратовские губернские ведомости. 1854. № 23–25) и «О промышленной, ремесленной и торговой деятельности в уездных городах Саратовской губернии в 1853 году» (Саратовские губернские ведомости. 1856. № 46–47). Ю. А. Пинчук отметил очень важный факт: Костомаров собрал в Царицыне и Петровске документы, относившиеся ко времени восстания Пугачева, и передал их Д. Л. Мордовцеву, который на основании этих материалов написал ряд работ⁴. Данные сведения имеют прямое отношение к изучению историографического процесса в регионе.

Саратовские историки традиционно проявляют интерес к вопросу о влиянии Костомарова на культурную среду губернского города. А. А. Гераклитов назвал написанный им «Очерк истории Саратовского края» примером, свидетельствующим об интересе известного историка к прошлому Нижнего Поволжья. Однако Гераклитов считал, что главная его заслуга для местного краеведения заключалась не в написании очерка, «а в том, что как редактор «Саратовских губернских ведомостей» он привлек к сотрудничеству и объединил много лиц из нарождающейся местной интеллигенции»⁵.

После выхода в свет работы Гераклитова саратовские исследователи в течение длительного времени не уделяли внимания проблемам развития исторического краеведения, и тема пребывания в Саратове Костомарова выпала из поля зрения местных историков. Только в конце 70-х гг. XX в. А. А. Демченко в связи с изучением биографии Н. Г. Чернышевского рассмотрел факты жизни Костомарова в период ссылки⁶ (Чернышевский преподавал в саратовской гимназии в 1851–1853 гг.). На первом плане в работе Демченко – взаимоотношения двух деятелей русской культуры, выяснение особенностей их общественно-политических взглядов. Демченко уделил внимание и научным занятиям Костомарова в Саратове, отметил тот факт, что Чернышевский помогал ему получать необходимую литературу. Исследователь подчеркивает, что именно в период общения с ним Костомаров начал работать над монографией о Степане Разине⁷. Это наблюдение представляется очень важным. В данной работе Демченко называет имена людей, которые входили в окружение Чернышевского. К их числу принадлежал и Костомаров.

Позднее Демченко посвятил специальную статью выяснению подробностей биографии Костомарова, связанных с Саратовом⁸. В ней автор предпринял попытку реконструировать на основании различных источников круг общения знаменитого историка в губернском городе. Он пишет: «Имена окружавших Костомарова в Саратове лиц устанавливаются почти с исчерпывающей полнотой» и называет этих лиц⁹. Демченко подчеркивает ту роль, которая принадлежала Костомарову в жизни Саратова в годы его ссылки, и пишет, что все эти годы он «был центром

кружка саратовской интеллигенции»¹⁰. Данное утверждение основано на сведениях, содержащихся в статьях П. Л. Юдина и П. Н. Черняева, опубликованных еще до революции¹¹.

Вопрос о влиянии взглядов Костомарова и его сочинений на развитие местной исторической традиции также нашел отражение в работах саратовских регионоведов в конце XX – начале XXI в. В методическом пособии В. Г. Миронова и В. М. Захарова дана общая характеристика работ Костомарова, в которых рассматривались проблемы местной истории, и было сказано, что он «явился инициатором нового подхода к проблеме изучения народных движений в регионе»¹². Авторы обратили внимание на результаты поиска документов о крестьянских движениях, который был предпринят Костомаровым в «некоторых местных архивах». Они отметили, что материалы о Пугачеве Костомаров передал «своему ученику и преемнику в деле изучения Саратовского края Мордовцеву»¹³.

Миронов в статье «К истории саратовского краеведения» указывает на широкий круг проблем, связанных с изучением истории, этнографии, экономики Саратовской губернии, которыми интересовался Костомаров. Главную его заслугу Миронов видит в том, что профессиональный уровень его исследований был «много выше леопольдовского»¹⁴ (труд А. Ф. Леопольдова по истории Саратовского Поволжья был опубликован в конце 40-х гг. XIX в.¹⁵). Миронов не прошел мимо темы кружка интеллигенции. Он писал, что вокруг опального профессора сформировался кружок демократически настроенной интеллигентной молодежи, лидером которого быстро стал Чернышевский, а после его отъезда – Мордовцев. Относительно этого кружка Миронов отметил, что именно его члены «позже возьмутся за создание местной краеведческой организации»¹⁶. Автор статьи не называет имен членов кружка, кроме Мордовцева.

Захаров отметил, что хотя в научном наследии Костомарова работы о Саратовском крае занимают незначительное место, «но для саратовского исторического краеведения они знаменуют новый виток». Именно со времени создания его «Очерка истории Саратовского края», по мнению Захарова, исследователи местной истории стремились создавать «концепции исторического развития, имевшие значение не только для данного региона, но и для всей страны». Однако Захаров не называет имен авторов концепций, не определяет их сущности. Говоря о влиянии Костомарова на дальнейшее развитие исторической традиции в Саратове, он отмечает его «большое идейное воздействие на Мордовцева»¹⁷.

Взаимоотношениям Костомарова и Мордовцева посвятила специальную статью саратовская исследовательница Н. А. Варганова, в которой подчеркнула, что оба историка занимали «весьма заметное место в литературной жизни Саратова».

Одно из главных положений, выдвинутых Варгановой, – утверждение о близости литературных, политических и научных взглядов Мордовцева и Костомарова¹⁸. Данный тезис повторяется в ее монографии, посвященной Мордовцеву¹⁹.

Продолжает оставаться актуальной тема взаимоотношений Костомарова и Чернышевского. В статье Пинчука, посвященной сопоставлению социально-политических воззрений Костомарова и Чернышевского, указано на то, что они сыграли особую роль в культурной среде Саратова в 1851–53 гг.: «...Они вместе, до переезда в 1853 г. Чернышевского в Санкт-Петербург участвовали в организации просветительских вечеров для учителей и учащихся гимназии, на которых, кроме разъяснения научных проблем, касались политических вопросов»²⁰.

Вопрос о воздействии Костомарова на культурную среду Саратова затронут в статье В. Н. Данилова. Он пишет: «Большое влияние на местное интеллектуальное сообщество оказало пребывание в Саратове с 1847 по 1859 г. крупного русского историка Николая Ивановича Костомарова, высланного сюда из Киева за принадлежность к Кирилло-Мефодиевскому братству». Данилов подчеркивает высокий профессиональный уровень его трудов, опубликованных в Саратове²¹.

В. В. Боярченков, в отличие от авторов, которые писали о влиянии Костомарова на интеллектуальное сообщество Саратова, акцентировал внимание на влиянии социокультурной среды Саратовского края на формирование его «федеративной теории»: «Можно предположить, что именно знакомство с самобытным миром Поволжья натолкнуло историка на мысль объединить разнородные, но одинаково сильные впечатления, полученные на Украине и на Волге, в единую концепцию». Он пишет, что «новизна костомаровского взгляда на местную историческую жизнь, определяется тем, что ее специфика рассматривалась в «федеративной теории» как закономерный результат развития русского народа или народностей, ее составляющих, в удельную эпоху»²². Наблюдения Боярченкова представляют большой интерес. Он показал, что пребывание Костомарова в Саратове оставило след не только в культурной среде губернского города и региона, но и нашло отражение в концептуальных построениях историка.

Таким образом, исследователи, изучавшие вопрос о пребывании Костомарова в Саратове, указали на его важную роль в культурной среде губернского города. Специально рассматриваются взаимоотношения Костомарова и представителей местной интеллектуальной элиты. Регионоведы обратили также внимание на новизну его интерпретации отдельных периодов истории Саратовского Поволжья и на влияние его общественно-политических и научных взглядов на творчество Мордовцева. Однако воздействие

Костомарова на изучение истории Саратовского Поволжья требует более пристального рассмотрения. Необходима конкретизация положений о более высоком научном уровне работ этого историка по «саратовской» тематике по сравнению с сочинениями Леопольдова, о влиянии Костомарова на Мордовцева. При рассмотрении взаимоотношений ссыльного ученого и представителей образованных кругов Саратова следует учитывать его мнение и о дворянско-чиновничьей среде губернского города.

Высказывания Костомарова о местном обществе встречаются в его автобиографических сочинениях. Существуют два варианта автобиографии историка. Они могут рассматриваться и как один источник, имеющий два этапа воплощения. Первый вариант появился в печати сразу после его смерти в 1885 г. в журнале «Русская мысль» (кн. 5–6). Данный вариант текста был записан Н. А. Белозерской со слов Костомарова зимой 1869–1870 гг. Белозерская с 1868 г. исполняла обязанности секретаря у знаменитого историка. Она познакомилась с Костомаровым в Саратове в 1857 г. Сам Костомаров написал для нее список своих научных трудов, созданных к тому моменту, когда были продиктованы воспоминания²³. Кроме того, он сделал некоторые примечания к тексту, написанному Белозерской, следовательно, он просматривал текст и стремился внести в него уточнения.

История второго, более позднего варианта автобиографии Костомарова, рассмотрена в примечаниях к его изданию, осуществленному в 1989 г. в Киеве²⁴. Этот вариант автобиографии с большим правом, чем первый, можно назвать авторизованным, хотя и в данном случае текст был продиктован. Его запись осуществляла жена Костомарова Алина Леонтьевна, урожденная Крагельская. Они поженились в 1875 г., но романтическая история их отношений началась задолго до этого и она описана в автобиографии. Крагельская была невестой Костомарова до того, как он подвергся аресту и ссылке. Судьба разлучила их надолго, но в 1873 г. они снова встретились, а через год с небольшим обвенчались.

Костомаров продиктовал второй вариант автобиографии в 1875 г., а в последующие 2 года текст дополнялся. События в нем заканчиваются 1877 г., поэтому можно условно считать данный вариант законченным именно в то время. Костомаров возвращался к тексту после 1881 г., когда вносил в него поправки. Впервые полностью этот вариант автобиографии Костомарова был напечатан отдельным изданием в 1922 г.²⁵ Именно на это издание обычно и ссылаются авторы, изучающие жизнь и творчество историка. Однако в исследовательской литературе встречаются одновременно ссылки на оба варианта автобиографии, при этом «вариант Белозерской» (если его можно так назвать) используется без должных пояснений, что создает впечатление о

существовании двух публикаций одного и того же текста.

Оба варианта воспоминаний дают скудный материал для установления круга общения историка в Саратове. Однако некоторые особенности культурной среды губернского города запечатлены в рассказах Костомарова. В авторизованном варианте автобиографии, повествуя о годах, проведенных в Саратове, он не упоминает о своей работе в течение нескольких месяцев в редакции губернских ведомостей. Факт знакомства и общения с Чернышевским здесь тоже отсутствует.

Несмотря на то, что по своему служебному положению Костомаров принадлежал к чиновничьей среде (он служил в губернской канцелярии и в статистическом комитете, а в последний год пребывания в Саратове – в комиссии по улучшению быта помещичьих крестьян), о своих взаимоотношениях с этой средой он не сообщает. Очевидно, Костомаров не считался у чиновников «своим». Об отсутствии общих интересов и тесных контактов историка с ними красноречиво свидетельствует один эпизод. При описании саратовских пожаров 1855 г. Костомаров сообщает о подозрениях в поджигательстве, которые коснулись его самого. Мемуарист пишет, что «в высших кругах» городского чиновничества в совершении этого преступления подозревали поляки – участники освободительного движения 40-х гг.). Костомарова же, как он узнал, один чиновник считал поляком, «и притом католического исповедания»²⁶.

Из лиц, принадлежавших к кругу общения ссыльного историка, в авторизованном варианте автобиографии упоминается только А. Н. Пасхалова. Это имя хорошо известно исследователям, которые занимаются изучением биографии Н. Г. Чернышевского, а также специалистам в области истории культуры Нижнего Поволжья.

В более раннем варианте воспоминаний Костомарова, записанном Белозерской, содержится немало живых подробностей о его пребывании в Саратове, встречаются хлесткие характеристики. О правителе дел саратовской губернской канцелярии Дурасове сказано: «Мошенник первой руки, представлявший собой тип подьячего»²⁷. Что касается взаимоотношений Костомарова и его сослуживцев, то он откровенно говорит, что чиновники «избегали» его. «...Помещики, напротив, заискивали во мне, – сообщает мемуарист, – особенно получившие высшее образование в высших учебных заведениях, а таких было немало, но все они скоро дичали, и даже на многих незаметно было и следов образования». Эти характеристики позволяют представить духовные интересы саратовского дворянского общества. Так же, как и в официальном варианте автобиографии, в этом варианте Костомаров отмечает, что среди его знакомых были ссыльные поляки, однако в данном случае акцент усилен:

«Круг моих знакомых по преимуществу составляли ссыльные поляки, из которых многие люди были очень образованные»²⁸.

Имя Чернышевского неоднократно встречается в тексте, записанном Белозерской. В нем запечатлены не только внешние приметы облика знаменитого саратовца, но и некоторые черты его характера, отношений с родителями, особо сказано о его отце²⁹. Информация Костомарова о его общении с Пасхаловой здесь гораздо подробнее, чем в более поздней автобиографии. Мемуарист замечает: «Я находил большое удовольствие в ее обществе, хотя не был влюблен в нее»³⁰. Судя по словам Костомарова, Пасхалова представляла тип женщины, для которой научные занятия были почти столь же важны, как и для него самого.

Представляют большой интерес замечания Костомарова о том, с какими трудностями были связаны его научные исследования в Саратове. Он отмечает, что занимался «русской историей и Богданом Хмельницким» и это было «нелегко» «в далеком городе, лишенном большей части учебных пособий»³¹. Таким запечатлен Саратов в воспоминаниях Костомарова.

Автор мемуаров не стремился рассказать обо всех своих знакомствах среди интеллектуальной элиты Саратова, но о взаимоотношениях с Мордовцевым он сообщает в обоих вариантах автобиографии. Эти сведения дополняют наши представления о культурной среде губернского города в 50-е гг. XIX в. Кроме того, они дают основание оценить перспективу одного из направлений в развитии исторического знания в регионе, которая открылась благодаря Костомарову. Мордовцев принадлежал к наиболее ярким представителям местного интеллектуального сообщества, к тому же он обладал талантом историка, его знакомство с Костомаровым произошло в Саратове в то время, когда Мордовцев начинал свою служебную карьеру. Он был выпускником местной гимназии, и после окончания Петербургского университета вернулся в Саратов в 1854 г.³² Костомаров вспоминал о встрече с Мордовцевым, отзываясь о нем с большой теплотой³³.

Одной из тем исследований Костомарова в Саратове было восстание под предводительством Степана Разина. Внимание историка привлекал другой знаменитый бунт – пугачевщина и об этих событиях ему удалось собрать документы во время пребывания в Саратове. В автобиографии Костомаров сообщает о своем желании создать труд на эту тему. Однако осуществить данный замысел можно было только при условии ознакомления с документами, которые хранились в столичных архивах. «Мне объявили, – писал Костомаров, – что не дадут в архиве бумагу, будто бы они запечатаны, хотя я сам видел их распечатанными». Он понял, что ему не удастся написать полноценный труд о пугачевщине, и от-

дал Мордовцеву документы, собранные во время пребывания в Саратове³⁴. Мордовцев с успехом использовал эти материалы для написания целой серии очерков и монографий.

В 1860–1862 гг. в журналах вышли первые статьи и очерки Д. Л. Мордовцева о разбойниках на Волге в XVIII в. и о самозванцах–предшественниках Пугачева: «Самозванец Ханин» (Русский вестник. 1860. Т. 26. С. 319–330), «Понизовая вольница» (Русское слово. 1860. Декабрь. С. 1–51), «Атаман Брагин и разбойник Зубакин» (Русский вестник. 1862. Январь–февраль. С. 703–730). Затем отдельными изданиями в Петербурге были опубликованы сборники его монографий и очерков «Самозванцы и понизовая вольница» (1867 г., в двух томах) и «Политические движения русского народа» (1871 г., также в двух томах). В первом из них на основании архивных документов освещается «история разбоев», происходивших в Нижнем Поволжье в 1775–1778 гг. после восстания Пугачева. Во втором – помещены три монографии о пугачевщине и несколько очерков о разбойничьих атаманах более позднего времени.

С именем Мордовцева связаны значительные достижения в изучении этих сложнейших явлений русской истории. В предшествующей историографии и в трудах его современников все социальные взрывы именовались бунтами. Заглавие сборника монографий и очерков – «Политические движения русского народа» – демонстрирует подход Мордовцева к изучаемым событиям. Для саратовского историка и пугачевское восстание, и самозванцы, и разбой на Волге – проявления воли народа, который не имел других возможностей ее выразить. Содержание вводной статьи к названному сборнику свидетельствует о том, что Мордовцев не был склонен закрывать глаза на «массовые преступления и массовые убийства», происходившие во время восстаний и в ходе разбоев. Однако он подчеркивает, что в изучаемый им период именно в «массовых и единичных народных движениях ... по возможности сказывалось участие русского народа в политическом и гражданском росте русского государства»³⁵. По его мнению, «пугачевщина со всеми ее последствиями была порождением всей России, неизбежным плодом темной стороны тысячелетней жизни русского народа и результатом ненормального состояния всего тогдашнего ее государственного строя»³⁶. Под «темной стороной» автор подразумевал крепостное право. Эти суждения Мордовцева предвосхищают взгляды отечественных историков XX в., которые рассматривали все крупные народные движения XVII–XVIII вв. как проявления борьбы крестьянства против крепостного права. По мнению Мордовцева, «... не конечная деморализация народа двигала его на массовые убийства и преступления, а неудачно сложившийся строй общественной жизни...»³⁷.

Необходимо отметить, что взгляды Мордовцева и Костомарова на причины народных восстаний были различны. Если Костомаров видел в них проявление противоречий между «старой вечевой вольницей» и новым «гражданским порядком», то его младшему коллеге причиной народного недовольства представлялся общественный строй России. Кроме того, Костомаров и Мордовцев по-разному расценивали степень участия различных социальных сил в народных выступлениях. Костомаров основную роль в них отводил казачеству, а Мордовцев характеризовал восстания как выражение политической воли широких масс народа.

В исторической традиции Саратовского Поволжья во второй половине XIX в. статьи и монографии Мордовцева о «разбоях» на Волге и о восстании Пугачева стали новым этапом в разработке этих проблем. Им был введен в научный оборот крупный комплекс письменных источников по истории региона и предложено новое понимание причин народных «возмущений». Новации в развитии исторического знания в регионе, которые были привнесены трудами Мордовцева, появились именно благодаря его общению с Костомаровым, хотя их взгляды на истоки народных движений не были сходными.

Среди работ Костомарова наибольший интерес, с точки зрения изучения развития историографии Поволжского региона, представляет «Очерк истории Саратовского края от присоединения его к Российской державе до вступления на престол императора Николая I» (опубликован в «Памятной книжке Саратовской губернии на 1858 год». Саратов, 1858). Он появился в печати спустя десять лет после выхода в свет «Исторического очерка Саратовского края» Леопольдова. Костомаров в оценке многих событий резко расходился со своим предшественником. Его очерк начинался не с наиболее ранних по времени сведений о народах, обитавших в Нижнем Поволжье (как у Леопольдова), а «от присоединения его к Российской державе». Очевидно, он принципиально ставил вопрос о рассмотрении истории данного региона в рамках общерусского исторического процесса, исследуя его историю как составную часть истории русского народа.

Расхождение у двух авторов, прежде всего, состоит в различной оценке значения и смысла народных движений. В представлении Леопольдова казачьи восстания – это «воровства и разбои», нарушения существующего порядка. Костомарову история Саратовского Поволжья от начала XVII и до конца XVIII столетия представляется как сплошная череда восстаний казачества. В промежутках между восстаниями на территории Нижнего Поволжья действуют разбойники, которые в сущности тоже были казаками. Костомаров связывал данные события с определенными общественными условиями. Он писал: «...Эти удалцы не были разбойниками в

смысле, какой мы даем этому слову; их поступки истекли из неустройства общества, от неустанной еще гражданственности, от неугасшей еще в русском народе вольницы удельных времен, от неокрепlosti властей... от юности нашей нации»³⁸.

Костомарову удалось создать концепцию истории Нижнего Поволжья в XVII–XVIII вв. Он старался выделить основной стержень в развитии происходивших здесь процессов, показать своеобразие региона, определить его собственное лицо. У Леопольдова история Саратовского края предстает как сколок с общерусской истории. Костомаров в истории Саратовского края отмечает приметы тех же процессов и деятельности тех же социальных сил, что и на территории всей Руси. Однако все происходит здесь в особых, местных условиях. Главным действующим лицом всех событий, с точки зрения интересов которого Костомаров стремится их оценивать, является русский народ как этническая общность.

Выявление Костомаровым новых источников по истории Саратовской губернии и презентация его взглядов на особенности исторического процесса в регионе стали стимулом к развитию научных знаний в этой области. Благодаря общению с Костомаровым Мордовцев создал значительное количество трудов, которые определили новый этап в изучении социально-политических событий в Саратовском Поволжье. Развитие исторического знания оказало влияние на общественно-культурную среду Саратова во второй половине XIX в.

Примечания

- 1 Ретина Л. П. Историческая наука на рубеже XX–XXI вв. социальные теории и историографическая практика. М. : Круг, 2011. С. 338.
- 2 См.: Киреева Р. А. Живые образы эпох. К 200-летию со дня рождения члена-корреспондента Императорской Санкт-Петербургской Академии Наук Н. И. Костомарова // Вестник Российской академии наук. 2017. Т. 87. № 12. С. 1123.
- 3 Там же.
- 4 См.: Пинчук Ю. А. Исторические взгляды Н. И. Костомарова (критический очерк). Киев : Наукова думка, 1984. С. 50–51.
- 5 Гераклитов А. А. История Саратовского края в XVI–XVIII вв. Саратов : Друкар, 1923. С. 29.
- 6 См.: Демченко А. А. Н. Г. Чернышевский. Научная биография : в 4 ч. Саратов : Изд-во Саратов. ун-та, 1978. Ч. 1. С. 224–248.
- 7 Там же. С. 246.
- 8 См.: Демченко А. А. Н. И. Костомаров в Саратове // Саратовское Поволжье в панораме веков : История, традиции, проблемы : материалы IX межрегиональных научных краеведческих чтений (7–8 апреля 2000 г., Саратов), Саратов : Изд-во Саратов. ун-та, 2000. С. 370–374.

- 9 Там же. С. 373.
- 10 Там же. С. 370.
- 11 См.: Захаров В. М., Миронов В. Г. У истоков саратовского исторического краеведения : Учебное пособие по курсу «Историческое краеведение» : Балашов : Изд-во Балашовского пед. ин-та, 1991. С. 24.
- 12 Там же. С. 29.
- 13 Там же. С. 26.
- 14 Миронов В. Г. К истории саратовского краеведения // Четыре века : Сб. статей, посвященных 400-летию Саратова. Саратов : Изд-во Саратов. ун-та, 1991. С. 34–52.
- 15 [Леопольдов А. Ф.] Исторический очерк Саратовского края. Соч. Андрея Леопольдова М., 1848.
- 16 Миронов В. Г. Указ. соч. С. 36–37.
- 17 Захаров В. М. Саратовская учёная архивная комиссия и её преемники : Саратовская учёная архивная комиссия в 80–90-е гг. XIX века. Балашов : Печатное агентство «Спектр», 2002. С. 20.
- 18 См.: Варганова Н. А. Д. Л. Мордовцев и Н. И. Костомаров // Н. Г. Чернышевский. Статьи, исследования и материалы : сб. науч. тр. Саратов : Изд-во Саратов. ун-та, 1999. С. 238.
- 19 Варганова Н. А. Д. Л. Мордовцев : Саратовские страницы биографии и творчества. Саратов : Изд-во Саратов. ун-та, 2003. С. 75.
- 20 Пинчук Ю. А. Знаменитости XIX века : Костомаров и Чернышевский // Н. Г. Чернышевский. Статьи, исследования и материалы : сборник науч. тр. М. : МГПУ, 2004. Вып. 15. С. 175.
- 21 См.: Данилов В. Н. Становление исторической науки в Саратове : Столичные стандарты и местные традиции // Историческое прошлое и образы истории : материалы III Международной научной конференции, посвященной 100-летию исторического образования в Саратовском университете (Саратов, 18–19 мая 2017 г.). Вып. 3. Саратов : Техно-Декор, 2017. С. 5.
- 22 Боярченков В. В. Историко-федералисты : Концепции местной истории в русской мысли 20–70-х годов XIX века. СПб. : Дмитрий Буланин, 2005. С. 63, 76.
- 23 См.: Семевский В. И. По поводу автобиографии // Русская мысль. 1885. Кн. V. С. 190, 194.
- 24 См.: Костомаров Н. И. Автобиография // Костомаров Н. И. Исторические произведения. Автобиография. Киев : Изд-во при Киев. ун-те, 1989. С. 426–651.
- 25 Там же. С. 705–706.
- 26 Там же. С. 498–499.
- 27 [Костомаров Н. И.] Автобиография Николая Ивановича Костомарова // Русская мысль. 1885. Кн. VI. С. 21.
- 28 Там же. С. 22.
- 29 Там же. С. 24–25.
- 30 Там же. С. 25.
- 31 Там же. С. 22.
- 32 См.: Момот В. С. Даниил Лукич Мордовцев : Очерк жизни и творчества. Ростов н/Д : Кн. изд-во, 1978. С. 33.
- 33 Костомаров Н. И. Автобиография // Костомаров Н. И. Исторические произведения... С. 491.
- 34 [Костомаров Н. И.] Автобиография... // Русская мысль. 1885. Кн. VI. С. 32.

- ³⁵ Мордовцев Д. Л. Политические движения русского народа. СПб., 1871. Т. 1. С. 1.
- ³⁶ Мордовцев Д. Л. Пугачевщина. Начало и характер Пугачевщины. Соч. П. Щербальского. Москва, 1865 // Вестник Европы. 1866. Т. 1, отд. V. С. 302.
- ³⁷ Мордовцев Д. Л. Политические движения... С. III.
- ³⁸ Костомаров Н. И. Очерк истории Саратовского края от присоединения его к Российской державе до вступления на престол императора Николая I // Памятная книжка Саратовской губернии на 1858 год. Составлена при саратовском губернском правлении Саратов, 1858. Отд. 3. С. 7–8.

Образец для цитирования:

Майорова А. С. Николай Иванович Костомаров в культурной среде Саратова // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. История. Международные отношения. 2019. Т. 19, вып. 4. С. 513–519. DOI: <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2019-19-4-513-519>

Cite this article as:

Mayorova A. S. Nikolai Ivanovich Kostomarov in the Cultural Environment of Saratov. *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. History. International Relations*, 2019, vol. 19, iss. 4, pp. 513–519 (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2019-19-4-513-519>